

Ю. В. Голик, В. И. Карасев

**КОРРУПЦИЯ
КАК МЕХАНИЗМ
СОЦИАЛЬНОЙ ДЕГРАДАЦИИ**

ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР

Юрий Голик

**Коррупция как механизм
социальной деградации**

«Юридический центр»

2005

Голик Ю. В.

Коррупция как механизм социальной деградации / Ю. В. Голик —
«Юридический центр», 2005

Авторы настоящей работы – Юрий Владимирович Голик, доктор юридических наук, профессор Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, директор Центра РГТЭУ по изучению организованной преступности в экономике и торговле; Валентин Иванович Карасев, доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, заместитель директора Центра РГТЭУ по изучению организованной преступности в экономике и торговле. Коррупция в современный период времени превращается в мощную криминогенную детерминанту всей жизни общества, становясь принципом власти и образом жизни населения. Если этому не воспрепятствовать, то последствия будут необратимыми: существующее общество и государство исчезнут. В работе проблема коррупции рассматривается в философском, уголовно-правовом и криминологическом аспектах. Подобный междисциплинарный подход выгодно отличает предлагаемое исследование от других работ по данной тематике. Для практических работников, а также всех интересующихся проблемами борьбы с коррупцией.

ББК 66.3

Содержание

Предисловие	6
Введение	9
Социальная трансформация и изменение правовой реальности	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Голик, Карасев

Коррупция как механизм социальной деградации

© Ю. В. Голик, В. И. Карасев, 2005

© Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005

Рецензенты:

О. Н. Ведерникова, доктор юридических наук, профессор Российской правовой академии

А. И. Коробеев, доктор юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права ДВГУ

Предисловие

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается книга, посвященная проблемам коррупции и борьбы с ней. Я входил в авторский коллектив ее первого варианта. Однако, несмотря на предложения дальнейшего сотрудничества, в силу занятости своей депутатской деятельностью и поскольку эта тема в целом не мое научное направление, от работы над данной редакцией мне пришлось отказаться.

Вместе с тем, понимая ту значимость, которую сегодня имеет коррупция уже не только как совокупность ряда отдельных преступлений, но как социальный феномен, видя несомненную связь разрастания коррупционизма с деградацией иных социальных сфер и, прежде всего, деформацией государственного строительства, я с интересом и удовлетворением хочу высказать свое мнение по некоторым актуальным и социально значимым моментам, которые отражены в предлагаемом издании.

В прошедшем году выявлено более 30 тыс. преступных посягательств против государственной власти и интересов службы. Прирост составил почти 20 %, в их числе – около 9 тыс. фактов взяточничества. «Однако, – как отметил Министр внутренних дел Российской Федерации Р. Г. Нургалиев, – это несопоставимо с истинным масштабом коррупции, который мы можем оценить по отдельным примерам».¹

Разговор о коррупции, на самом деле, разговор о серьезной девальвации профессии государственного служащего. Еще точнее, системы государственной службы – той единственной в масштабах общества системы, смыслом и условием существования которой является развитие самого общества.

Можно выделить три проблемы, которые составляют содержание темы коррупции в обществе. Это – проблема государства как социального института, проблема государственной бюрократии и проблема соотношения экономического и политического ресурсов власти.

Люди, живущие в обществе, в действительности не могут быть от него свободными. Они находятся между собой в отношениях, которые определяются социальным положением, этнической или конфессиональной принадлежностью, уровнем жизни и многими другими позициями. Необходимость совместного проживания и системные связи рождают сетевые структурные узлы и определенные виды социальной деятельности.

Люди разрабатывают идеологические платформы, политические программы и правовые нормы. Они реализуют как личные, так и групповые интересы, объединяясь в производственные коллективы, профессиональные союзы и общественные организации или политические партии.

В обществе существует множество интересов, а, следовательно, в его границах происходит не только консолидация, но и размежевание; существуют не только общие, но и отдельные цели, за реализацию которых людям приходится конкурировать друг с другом, как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях социальных отношений.

Идеология – система целеполагания, позволяющая социальным группам осознавать свои интересы, политика – поле интерактивных отношений, в котором реализуется деятельность по достижению поставленных групповых целей, право – система-оператор, предоставляющая возможности деятельности по реализации идей и превращающая через государственные функции заявленные цели в защищенный законом частный или социальный интерес.

¹ Из выступления Министра внутренних дел на заседании Государственной Думы // Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Бюллетень № 85 (799). – 9 марта 2005 года, с. 24.

Такая логика позволяет развенчать миф о том, что государство как социальный институт может иметь отдельные от общества цели и интересы. Государство является системой, предназначенной реализовать как совокупную волю субъекта всех отношений – общества, так и совокупность волевых стремлений его членов – граждан данного государства.

Такая позиция позволяет осознать, что внедряемая в общественное сознание мысль о том, что государство выступает субъектом посягательства на индивидуальные права граждан как членов общества, не соответствует действительности. Оппонентами в борьбе за достижение своих устремлений выступают сами люди и их организации, а высшим распорядителем индивидуальных прав – выраженная в праве коллективная воля общества как социального организма. Государство выступает лишь в качестве механизма реализации суверенного общественного самоуправления.

В то же время государство само является сложной системой, состоящей из людей, выполняющих функции государственной службы. Государственная бюрократия составляет такую социальную группу, которая не имеет собственной идеологии и не может реализовать отличный от общественного узкогрупповой или корпоративный интерес. Как личность государственный служащий имеет все права члена гражданского общества, но в своей профессиональной деятельности из состава гражданского общества он исключен. Правило, гласящее, что все, что не запрещено, – разрешено, на государственных служащих не распространяется. Им разрешено только то, что четко прописано в законе, нормативном акте или должностной инструкции. Государство в качестве социального института является гарантией нормального функционирования социального организма, государственные служащие – инструментом реализации гарантированных обществом групповых интересов и индивидуальных прав. Профессиональная, грамотная бюрократия необходима любому общественному строю, любому политическому режиму. И, как бы парадоксально это ни звучало, не государство обеспечивает социальную жизнь, а общество содержит на свои средства государство, а государственные служащие находятся на содержании у членов гражданского общества.

Проблема коррупционизма не в том, что чиновники злоупотребляют должностными полномочиями и воруют казенные деньги, – это его проявления. Проблема состоит в том, что иногда государственный аппарат может служить не обществу в целом, а находиться под властью или на содержании у его отдельной части. В этом случае не общество, а именно эта часть имеет все возможности для реализации своего корпоративного интереса за счет остальных членов общества и с государственной гарантией. Правда, в таком контексте уже не приходится говорить о государстве в строгом смысле этого термина. В современных условиях данная постановка вопроса становится актуальной как никогда, поскольку замена государственного суверенитета корпоративным самоуправием еще не анализировалась в серьезном научном ключе.

Поэтому последней темой, связывающей в отношении коррупции государствоведение и криминологию, является соотношение политического и экономического ресурсов власти. Замена суверенных прав субъекта социальной жизни – общества – на корпоративное самоуправие возможна только в случаях или ослабления политического ресурса социума, или резкого усиления влияния на политическую власть экономического ресурса какой-либо социальной группы.

Собственно об этом и идет речь в предлагаемой книге. Она посвящена глубокому анализу коррупции как социального феномена. В ней содержится описание криминогенных детерминант и тенденций коррупционной преступности, открываются такие стороны проблемы, которые ранее не анализировались. Значительное место уделено как уже имеющим место в жизни, так и прогнозируемым социальным следствиям этого опасного рода девиантного социального поведения.

Книга исследует, учит и предостерегает. В ней есть такие слова: «Разврат погубил Содом и Гоморру. Роскошь и разврат погубили Древний Рим. Коррупция губит мир современный».

С уважением
С. Н. Бабурин,
заместитель председателя
Государственной Думы РФ,
доктор юридических наук,
профессор

Введение

Актуальность исследования проблемы становления современных форм коррупции как социального феномена и их динамики в условиях трансформационных общемировых процессов возможно определить исходя из трех причин. Во-первых, этого требуют стремительные изменения общественно-политической, а следовательно, и правовой реальности, предопределяющие уточнение представления о юридической природе коррупции в уголовном праве; во-вторых, рост конкретных составов преступлений, в которых проявления коррупционности выступают в качестве квалифицирующего признака, и, в-третьих, необходимость приведения в соответствие закрепленных в новом УК РФ преступлений, связанных с государственной службой, и существующей на эмпирическом уровне практики применения этих норм.

Для любой локальной цивилизации классическую модель взаимоотношений государства, общества и личности можно сформулировать, несмотря на все многообразие научных определений, следующим образом: гражданское общество посредством общественного договора формирует государство как функциональный орган координации интересов субъектов социальной стратификации и их совместной деятельности. Принимаемые правила, иначе – конституционное поле, инверсионно превращают личность социума в гражданина государства. С этого момента через систему позитивного права законы государства становятся обязательными как для граждан, так и для иных субъектов гражданского общества.

Формирование такого правового пространства, в границах которого эффективно действовали бы механизмы взаимодействия правового государства, гражданского общества и личности, является одной из главных целей конституционного поля становящейся правовой реальности Российской Федерации.

Функционально данная целеполагающая установка решается государством в русле следующего триединства: во-первых, создания социально-экономических и политических условий достойного уровня жизни граждан; во-вторых, формирования посредством образования, воспитания и убеждения правового сознания, соответствующего нормам конституционного поля, и, в-третьих, применением исключительного права государства на легитимное насилие по отношению к лицам, организациям и общественным объединениям, нарушающим законы государства.

С позиций науки уголовного права нас интересует третий аспект. В современных условиях нарастания таких негативных социальных явлений, как организованная преступность, транснациональная преступность, коррупция и экстремизм, проблема возможных и справедливых форм общественного возмездия за преступления, зафиксированная в нормах позитивного права в целом и в соответствующих статьях уголовного законодательства в частности, предельно актуализируется.

Важность исследования проблемы усиливается и тем, что исторически Россия переживает переходный период. В условиях нестабильности социальных оснований общества причины и обстоятельства изменений нормативно-правовой базы коренятся не только в правовой сфере, но и в иных сферах функционирования общества. Поэтому средства правовой технологии и юридической техники запаздывают по сравнению с возрастающими возможностями криминальных структур, а принимаемые законы не всегда полностью соответствуют базовым принципам государственного устройства.

Следовательно, как с позиций социально-экономического состояния гражданского общества России, так и с точки зрения развития правовых отношений и юридической техники, исследование проблемы коррупции представляется актуальным и практически необходимым.

С юридической точки зрения объект исследования составляет правовое поле отношений государства и гражданина (личности) по поводу правотворчества и правоприменения государ-

ством принудительных санкций за преступные деяния в виде конкретных наказаний. Законодательство в сфере определения наказания и правоприменительная практика выступают как общеправовое содержание объекта исследования, его формально юридические границы заключены в качественных и количественных характеристиках преступлений, связанных с государственной службой.

С точки зрения общественных отношений, в центре внимания располагается коррупция как значимый социальный феномен, рост и распространение которого, особенно в условиях глобализации, имеет четкую тенденцию к деградации современного социального устройства. Особенно важным представляется анализ совокупности действия криминогенных детерминант, влияние которых превращает коррупцию из преступления в пусковой механизм распада существующего правового и социального поля. При этом необходимо четко представлять, что пространством действия детерминант сегодня является вся социальная и правовая реальность.

Таким образом, объектом данного исследования будет являться более широкий по сравнению с наличным дискурс, границами которого являются параметры самого социального пространства. Предметом – закономерности и основания функционирования в современных условиях коррупции в качестве феномена не только криминологии и уголовного права, но социальной и правовой реальности в целом. Более того, представляется, что именно изменения в общественных основаниях вызвали к жизни состояние и динамику всей системной целостности девиантного поведения, в том числе и таких его агрессивных форм как организованная преступность, терроризм, наркомания и коррупция. Именно определение их сущностной взаимосвязи и возможностей социального противодействия их экспансии и доминированию составляет цель предлагаемой работы.

Современное человечество на рубеже тысячелетий вступило в полосу перемен, содержание и темпы которых дают основание говорить о проявлении некоторых параметров действия законов более высокого, чем познанные в ареале позитивных наук сегодняшнего дня, уровня организации и функционирования как социума, так и всей целокупности материального мира. С этой точки зрения исследования процессов, связанных с социальной трансформацией, представляются не только возможными, но и необходимыми.

Следует подчеркнуть, что трансформационные изменения, происходящие в современном мире, все отчетливее приобретают черты системности. Следовательно, те глобальные перемены, которые происходят на уровне человеческого сообщества в целом, с силой закона оказывают влияние на особенные процессы изменений как в границах отдельно взятых национальных государств, так и в параметрах структуры социальной системы, ее единичных подсистем и в действии механизмов их функциональности. Причем серьезным обстоятельством, мимо которого сегодня уже невозможно пройти, является то, что вектор социальных изменений направлен не только на прогрессивное развитие функций и систем, но и на их деградацию, в том числе на формирование ряда негативных функций, подсистем социального организма и негативных общественных феноменов.

Аналогичные процессы в криминальной сфере в общем русле социальных изменений также приобретают черты системности. В границах феномена преступности протекают такие процессы, которые уже сами по себе имеют феноменальные признаки и свидетельствуют о переходе преступности на иной качественный уровень состояния и развития.

Направления перемен в криминальной среде, их уровень и темпы распространения позволяют говорить и о том, что феномен преступности по объективным характеристикам и степени влияния как на общественное сознание, так и на социум в целом, превращается в реальную угрозу общественной безопасности. Прежде всего речь идет о таких формах преступного сообщества, как организованная преступность, профессиональная преступность и коррупция. Причем именно коррупция и механизмы ее влияния на социальную мотивацию представляют

наибольшую опасность как криминогенные детерминанты изменения качественной определенности границ девиантного социального поведения.

В этих условиях криминологический дискурс, объясняющий причины, состояние и динамику современной преступности, нуждается в учете того факта, что в ареале мирового континуума происходит универсальный процесс качественных и количественных перемен. Его полную характеристику невозможно дать без поправки на следующие качественно меняющиеся параметры социального поля: 1) состояние и изменение социальной и правовой реальности; 2) наличие коррелятивных связей между процессом социальной трансформации в форме глобализации и появлением, изменением или расширением сущности, форм, способов и методов преступной деятельности; 3) определение причин и закономерностей такой связи и степень ее отражения в действующих системах национально-государственных законодательств и международных актов; 4) поиск эффективных форм борьбы с современной преступностью, в том числе через изменение социально-экономических условий, методами активного социального контроля и всей совокупностью мер уголовного права. По существу данное обстоятельство в состоянии качественно видоизменить содержание самого дискурса криминологического поля исследования.²

Применительно к предмету исследования речь идет о том, что в современных условиях глобального становления нового социального качества структурной организации человеческих сообществ анализировать преступность, и в особенности ее организованные формы, с традиционных позиций отклоняющегося поведения, с установкой на значительно отстающие от темпов и качества процессов социальной трансформации положения теории права и криминологии уже недостаточно. Необходимы более широкий взгляд на совокупность социально-экономических изменений и их отражение в действующих в мировом сообществе правовых системах с тем, чтобы понять качественную сущность того мира, в котором мы живем, и на этой основе определить эффективные ориентиры в борьбе с новыми негативными явлениями, процессами и тенденциями. Ряд социальных изменений, и среди них не последнее место занимает преступность в ее сущностной взаимосвязи с политическим режимом и олицетворяющим данный политический режим государством, пока еще реализуют себя не как сложившийся социальный феномен, а как тенденция. И сегодня государство еще в состоянии если не отменить ее полностью, то, по крайней мере, замедлить действие и предотвратить наиболее опасные социально-экономические, политические и духовные следствия.

Таким образом, и теоретические и практические усилия современного общества нацелены на разработку широкого спектра антикоррупционных мер. В России в разработке данной проблематики имеются значительные научные результаты.³ Так, ряд исследований посвящен

² Предложенные рассуждения в данном контексте не являются самостоятельным предметом исследования. Они служат аргументом для постулирования позиции крайне внимательного и осторожного использования терминологии исследовательской позиции в экономических, социальных, политических или правовых исследованиях, получившей наименование «глобалистики». Если не существует четкого теоретического обоснования самой концепции глобального развития, непротиворечивость внутри которой позволяла бы использовать ее выводы в качестве методологии и методики конкретных исследований в отмеченных сферах общественности, то тем более невозможной представляется та система эмпирических обобщений представлений различных социальных наук, которая берется на ее зыбком фундаменте строить теоретические конструкции собственных отраслей знания. И особенно опасно, когда выводы этих отдельных исследовательских позиций рассматриваются основой построения соответственно экономических, социальных, политических или правовых моделей, фактически становясь отправной точкой в новой волне социального экспериментирования, цена которого так дорого оплачена практически всей историей человечества XX века.

³ Антикоррупционная политика: Учебное пособие / Под ред. Г. А. Сатарова. – М., 2004; Братимов О. В., Горский Ю. М., Делягин М. Г., Коваленко А. А. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. – М., 2000; Голик Ю. В., Карасев В. И. Политическая идеология как основа национальной безопасности // Национальные интересы. – 1998, № 1, с. 21–25; Делягин М. Г. Глобальная неустойчивость // Распад мировой долларовой системы. – М., 2001; Левашиов В. К. Глобализация, социальная безопасность и национальная стратегия развития // Национальные интересы, 2001, № 5–6; Лунев В. В. Криминогенная обстановка в России и формирование новой политической элиты // Социальные исследования, 1994, № 8–9, с. 89–101; Организованная преступность: тенденции, перспективы борьбы. – Владивосток, 1999; Россия в фокусе криминальной гло-

феномену российской коррупции,⁴ зарубежная коррупционная деятельность также изучается представителями различных общественных наук.⁵

Вместе с тем нам представляется обоснованной точка зрения В. Н. Кудрявцева о необходимости сочетать и интегрировать имеющие место в криминологии подходы в единую концепцию.⁶ В связи с этим эффективным методом анализа такого социального феномена, как коррупция, может стать многоуровневый подход, сочетающий методологический, теоретический и собственно криминологический уровни.

Следует иметь в виду, что подобный анализ любого явления или процесса, протекающего в реальности, имеет три уровня реализации поставленной задачи. На первом, наиболее абстрактном, уровне формируется категориальная матрица, которая позволяет определить сущностные параметры изучаемого явления или процесса. Следующий уровень выступает в качестве методологии соответствующей сферы социальной теории. Он вооружает исследователя понятийным теоретическим инструментарием и формирует принципы, методы и способы описания исследуемого объекта средствами соответствующей, в нашем случае правовой, науки. И, наконец, третий уровень – это перевод понятийного аппарата теории в плоскость практически-прикладной методики исследования, результатом которой является определение конкретных проблем в конкретной сфере социальной практики и формулирование эффективных способов их диалектического и практического разрешения.

В контексте предлагаемого варианта исследования проблемы данная конструкция выступает как последовательное описание закономерности и причинности в отношениях таких категорий, как глобализация и преступность, власть и собственность, коррупция и общество; определение предельно возможных и допустимых философско-правовых параметров и анализ некоторых оригинальных криминологических исследований, представляющих для раскрытия темы актуальность, а для самой науки – познавательную значимость.

Вместе с тем проблема коррупции, организованной и транснациональной преступности имеет огромное практическое значение как для нашей страны, так и для мирового сообщества. Одно из центральных мест в идеальных картинах перспективного развития общества занимает проблема условий, которые были бы в состоянии обеспечить любые социально значимые цели. Президент Российской Федерации В. В. Путин сформулировал такие основные цели развития российского общества, в числе которых важное место занимает рост уровня благосостояния и защищенности граждан России. Представляется, что реализация целевых установок в поле социальных отношений связана не только с усилиями, направленными на желаемое созидание будущего, но и со сложной работой по их всестороннему обеспечению, в том числе мерами правового и криминологического воздействия.

бализации. – Владивосток, 2002; *Самигуллин В. К.* Право и неправое // Государство и право, 2002, № 3; Транснациональная преступность в новом тысячелетии // Борьба с преступностью за рубежом, 2001, № 5; *Уткин А. И.* Глобализация: процесс и осмысление. – М., 2002; *Явич Н.* Сущность права. – Л., 1985, и др.

⁴ *Болдырев Ю.* О бочках меда и ложках дегтя. – М., 2003; *Бондаренко С. В.* Коррупцированные общества. – Ростов н/Д, 2002; *Кирпичников А. И.* Взятка и коррупция в России. – СПб., 1996; *Клямкин И. М., Тимофеев Л. М.* Теневая Россия: Экономико-социологическое исследование. – М., 2000; *Черный Э.* Российское рыболовство. Заметки на фоне коррупции. – М., 2003; *Корниш Я.* Дефицит. – М., 1990; *Леденева А. В.* Личные связи и неформальные сообщества: трансформация блага в постсоветском обществе // Мир России, 1997, т. 6, № 4, с. 89–106; *Писарькова Л. Ф.* К истории взяток в России (по материалам «секретной канцелярии» кн. Голицыных первой половины XIX в.) // Отечественная история, 2002, № 5, с. 33–49; *Тимофеев Л. М.* Институциональная коррупция. – М., 2000, и др.

⁵ *Делонг Дж. Б.* Бароны-разбойники // Очерки о мировой экономике. Выдающиеся экономисты мира в Московском центре Карнеги. – М., 2002, с. 179–208; *Уильямсон О. И.* Экономические институты капитализма. – СПб., 1996; *Эгертссон Т.* Экономическое поведение и институты. – М., 2001 и др.

⁶ *Кудрявцев В. Н.* Социальные причины организованной преступности в России // Организованная преступность и коррупция, 2000, ч. 1, с. 8.

Несомненно, что проблема «расчистки» правового поля в широком смысле правообеспечения конкретных политических, социально-экономических и духовных процессов является в данном ряду одной из самых важных.

Мы выделяем понятие «правообеспечение» в широком смысле именно в силу того, что процесс расчистки правового поля по существу двуедин. С одной стороны, он предусматривает борьбу с преступностью как с формой проявления девиантного поведения личности или группы лиц; с другой – речь может и должна вестись о деятельности, направленной на преодоление преступности, особенно в ее организованных формах, как процесса, содержанием которого выступает создание условий, ограничивающих появление криминальности как социального феномена. Именно выделение последнего качественного момента указывает на предельно опасную социализацию криминального поведения в качестве способа жизни и особого, пока еще корпоративного, мировосприятия. Но уже констатации этих тенденций вполне достаточно для объявления таких социально опасных форм преступности, как организованная преступность, профессиональная преступность и коррупция в числе тенденций, представляющих непосредственную угрозу как национальной безопасности, так и устоям складывающегося в российском обществе института гражданского общества.

В ряде современных источников принято считать, что коррупция – «такое же древнее явление, как и социальный порядок, управляющий жизнью людей, каков бы ни был этот социальный порядок».⁷ Так, в исторической литературе упоминания и прямые факты принятия даров и подношений отмечаются практически на протяжении всего известного науке периода. Древний Восток, включая Индию и Китай, античность, в том числе период развитой демократии в Афинах, арабский мир древности – все они так или иначе, в той или иной форме демонстрируют наличие подобных явлений, а также попытки их осмысления и противостояния им.

Глубокими корнями данные явления уходят в раннюю средневековую эпоху в российской истории. Еще в русских летописях XIII в. упоминается об осуждении «мздоимства» и «лихоимства». Начиная с правления Ивана III, имели место попытки их строгого пресечения. Белозерская уставная грамота впервые устанавливала твердые так называемые «кормы» для наместников и их аппарата. Судебник Ивана Грозного впервые официально запретил взятки – «посулы» – и зафиксировал не только размер за них судебных пошлин, но даже смертную казнь. И при Петре I, несмотря на его стремление сурово карать своих ставленников и наместников за взятки («дачки»), вплоть до повешения и четвертования, тем не менее, процветали различные формы продажности. Да и на протяжении всего периода царствования династии Романовых она оставалась немаловажным средством приращения доходов и мелких государственных служащих, и крупных сановников. Особенно одиозной, компрометирующей власть в отечественной истории явилась злопамятная «распутинщина».

Вместе с тем можно отметить, что если до второй половины XIX столетия подношения имели в России, как правило, натуральный характер, то после 1853 г. они стали осуществляться преимущественно в денежной форме. Практически, если с нашей точки зрения формализовать определение, то только с этого момента времени возможно вести речь о том явлении, которое получило сегодня в конкретно понимаемом смысле наименование коррупции. Однако методологические аспекты будут рассмотрены несколько позже.

Отношение в царской России к отмеченному явлению было двойственным, как, впрочем, и практически всегда в известных исторических контекстах. Вместе с тем осуществлялось определяемое уголовным законом преследование мздоимцев. Так, по данным, приводимым в учебном пособии по антикоррупционной деятельности под редакцией Г. А. Сатарова, в середине XIX века в течение года осуждалось приблизительно 8 % наличного состава чиновников 9–14-го классов, т. е. около 4 тыс. человек. В правление Александра III было запрещено

⁷ Антикоррупционная политика: Учеб. пособие / Под ред. Г. А. Сатарова. – М., 2004, с. 5.

совмещение государственных должностей с работой по управлению банками и акционерными обществами.

В советское время наличие коррупции в обществе официально не признавалось. Тогда господствовала мифологема, что это явление присуще лишь так называемому «загнивающему капитализму». Сам термин «коррупция» вошел у нас в обиход чуть более десяти лет назад, в конце 80-х годов. До этого же в политико-правовых документах значились лишь такие выражения, как «взяточничество», «злоупотребление служебным положением», «попустительство» и т. п.

В идеологическом аспекте отмечаются и иные характерные черты советского периода истории коррупции и борьбы с ней: во-первых, власти не признавали слова «коррупция» и, отрицая понятие, тем самым отрицали явление, делая борьбу с ним бесперспективной; во-вторых, взяточничество как явление было отнесено к разряду пережитков и остаточных явлений капитализма; в-третьих, в годы советской власти высшие советские и партийные чиновники были практически неприкосновенными; в-четвертых, с коррупцией среди государственного аппарата боролись исключительно представители этого аппарата и, в-пятых, коррупция нередко выступала в качестве единственно возможного средства внедрения рыночных отношений (хотя и стихийно) в плановую экономику. Об этом свидетельствовала укорененность коррупции как фактического организатора теневого рынка.⁸

В поле действия основных трендов коррупционной деятельности в России и борьбы с ней в переходный период, с начала перестройки 1986 года, четко просматриваются две взаимосвязанные тенденции: реальная коррупционная деятельность интенсивно росла, а социально-правовой контроль за ее проявлениями катастрофически снижался. И только в последнее время этот вопрос все чаще и чаще актуализируется, но пока не более, чем на словах. Однако даже эти словесные заявления воспринимаются определенными кругами, которые использовали в своих неблагоприятных целях правовой и властный вакуум последнего десятилетия, как наступление реакции или авторитарного правления.

Либерально ориентированным исследователям представляется, что из-за отсутствия в советское время нормальной правовой системы и соответствующих культурных традиций, особенно в сфере защиты частной собственности, коррупция существовала как один из эффективных способов взаимодействия населения с представителями власти.⁹ Именно потому, что власть и ее представители не умели и не желали защищать частную собственность, «у представителей бизнеса оставалась только одна возможность – покупать услуги представителей власти в частном порядке. Таким образом, – постулируется данными авторами, – коррупция становилась необходимой и естественной основой взаимоотношений власти и бизнеса».¹⁰

Вместе с тем в современных условиях глобализации коррупционная деятельность, выйдя за границы национальных социально-экономических систем и государств, стала предметом глубокой озабоченности всего мирового сообщества. Исследовательский мониторинг и практические меры по противодействию коррупционной экспансии находятся в центре внимания экономических корпораций и научных объединений, средств массовой информации и широкой международной общественности. Однако, как и в национальном масштабе, в границах мирового научного сообщества до сих пор нет единого консолидированного определения коррупции как социального явления, более того, в этом аспекте оно практически предстает как сущностно оспариваемое научное определение.

Этимологически термин «коррупция» происходит от латинского слова «*corruptio*», означающего порчу, подкуп. На современном этапе в арсенале криминологии накопилось доста-

⁸ Тимофеев Л. М. Институциональная коррупция. – М., 2000, с. 41

⁹ Антикоррупционная политика: Учеб. пособие / Под ред. Г. А. Сатарова. – М., 2004, с. 48

¹⁰ Там же.

точно много дефиниций относительно коррупционной деятельности. Они имеют место и в международных правовых актах. Так, в Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятом Генеральной Ассамблеей ООН 17 декабря 1978 г., содержится следующее определение: «Хотя понятие коррупции должно определяться национальным правом, следует отметить, что оно охватывает совершение или несовершение какого-либо действия при исполнении обязанностей или по причине этих обязанностей в результате требуемых или принятых подарков, обещаний или стимулов или их незаконное получение всякий раз, когда имеет место такое действие или бездействие». Таким образом, здесь под коррупцией понимается подкуп, продажность должностных лиц (публичных служащих) и их служебное поведение, осуществляемое в связи с полученным или обещанным вознаграждением.

Такое понимание коррупции существует и в современном правовом пространстве СНГ. Например, А. И. Долгова определяет коррупцию как социальное явление, характеризующееся подкупом-продажностью государственных или иных служащих и на этой основе корыстным использованием ими в личных либо в узкогрупповых, корпоративных интересах официальных служебных полномочий, связанных с ними авторитета и возможностей. В подкупе одних лиц другими усматривает суть коррупции другой известный криминолог – Н. Ф. Кузнецова.¹¹

Существует и иной подход к коррупционной деятельности, в параметрах которого она анализируется как социальное явление в плане, более широком, чем подкуп и взяточничество. Так, по мнению Д. Бейли, коррупция представляет собой злоупотребление властью как результат ее использования в личных целях, которые не обязательно должны быть материальными, а К. Фридрих считает, что коррупция – это отклоняющееся поведение, соединенное с частной мотивацией, означающей, что частные (индивидуальные, групповые) цели преследуются за публичный счет. Дж. Най определяет коррупцию более развернуто, – как поведение, которое отклоняется от формальных обязанностей публичной роли под воздействием частных материальных или статусных целей либо нарушает правила, запрещающие определенные виды деятельности относительно частного влияния.

Восьмой конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Гавана, 1990) в своей резолюции «Коррупция в сфере государственного управления» отметил, что проблемы коррупции в государственной администрации носят всеобщий характер и их пагубное влияние ощущается во всем мире. Анализ борьбы с коррупцией в отдельных странах показывает огромный разрыв между декларируемыми принципами равенства всех граждан перед законом и реальной практикой привлечения к уголовной ответственности. Как считает А. Н. Агыбаев, коррупция – это «типичный вид беловоротничковой преступности. Следовательно, она высоколатентна, часто отличается изощренностью и причинением крупного ущерба. Особая опасность коррупции состоит в том, что она как раковая опухоль перерождает государственный аппарат, приводит к его необратимым изменениям». ¹² Ее опасность обусловлена тем, что она нередко переплетается с совершением других корыстных преступлений. Посягая на нормальную деятельность аппарата государственных органов, коррупция к тому же подрывает его авторитет, дискредитирует органы власти и управления, что ведет к нарушениям принципа социальной справедливости и законности. Но самое главное, коррупция – это катализатор организованной преступности, одна из необходимых составляющих ее среды обитания. Существовая в симбиозе, эти два явления составляют самую серьезную опасность для государства и общества, особенно в условиях становящейся демократии.

Общественная опасность коррупции выражается в следующем:

¹¹ Цит. по: Рева А. М. Коррупция как социальное явление общества (обзор нормативных актов и литературы) // Предупреждение коррупции в полиции (милиции): Материалы международного научно-практического семинара (11–12 февраля 2002 г.). – М., 2002, с. 86.

¹² Агыбаев А. Н. Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с коррупцией: Учеб. пособие. – Алматы, 2003, с. 3.

– государственная политика диктуется частными интересами лиц, находящихся у власти и способных влиять на власть в масштабах, превосходящих деятельность власти по реализации общественных интересов. Ключевые решения, оказывающие максимальное воздействие на жизнь общества, принимаются на коррупционной основе или для прикрытия коррупционеров, находящихся в зависимости от разнообразных «теневых фигур»;

– прямые потери от коррупции ведут к уменьшению доходов государственного бюджета, косвенно уменьшая объем производимого валового национального продукта;

– коррупция расширяет теневую экономику, разрушает конкуренцию, так как взятка обеспечивает предоставление неконкурентных преимуществ. Это подрывает рыночные отношения как таковые, создает новые коррупционные монополии, часто связанные с организованной преступностью, снижает эффективность экономики в целом;

– коррупция лишает государство возможности обеспечить соблюдение честных правил рыночной игры, что дискредитирует и саму идею рынка, и авторитет государства как арбитра и судьи;

– влияние коррупции на проведение приватизации и банкротств затрудняет появление эффективных собственников;

– нерациональное расходование бюджетных средств усугубляет бюджетный кризис;

– коррупция увеличивает издержки субъектов экономики, что перекладывается на потребителей через повышение цен и тарифов;

– коррупция в органах управления разлагает не только их самих, но и аппараты управления крупных корпораций. Соответственно происходит общее снижение эффективности управления, как государственного, так и коммерческого;

– широкомасштабная коррупция делает невозможным привлечение не только внешних, но и внутренних инвестиций, что в принципе лишает государство возможностей развития.

Так, в обращении Президента Республики Казахстан к гражданам отмечается: «Коррупция все глубже проникает в различные сферы нашей жизни, искажает экономическую политику и стратегию развития страны, ведет к прямому и косвенному хищению государственного бюджета и государственной собственности. А значит, оказывает все более сильное и негативное влияние на социальную сферу, которая так нуждается сегодня в средствах. Коррупция сильно ослабляет и производственный сектор, где на многих предприятиях руководит нердивный или вороватый менеджмент, который ухудшает инвестиционный климат и закрывает дорогу в страну добросовестным инвесторам. Более того, она несет и более глобальные угрозы, подрывая демократические устои общества, веру в закон, в справедливость. Она подрывает и нравственные ценности, которые, еще не успев принять форму цивилизованных, общечеловеческих, серьезно искажаются».¹³

Изучение общей и специальной литературы дает представление о том, что, хотя и существуют «расхожие» определения коррупции, в то же время общепринятого правопонимания и социальных параметров данного криминального явления пока не разработано.

Наиболее часто коррупция отождествляется со взяточничеством или рассматривается как злоупотребление должностными полномочиями, совершаемое с корыстной целью. Под коррупцией также понимается злоупотребление служебным положением, совершенное в личных интересах, причем лишь такие случаи корыстного злоупотребления по службе, которые характеризуются подкупом – продажностью государственных служащих. Коррупция определяется как любое умышленное нарушение должностным лицом или иным государственным служащим своих служебных полномочий, а иногда и как элемент организованной преступности.

Например, по мнению профессора А. И. Долговой, коррупция – это «социальное явление, характеризующееся подкупом – продажностью государственных и иных служащих и на

¹³ Казахстанская правда, 1998, 14 июля.

этой основе корыстным использованием ими в личных либо узкогрупповых, корпоративных интересах официальных служебных полномочий, связанных с ними авторитета и возможностей».¹⁴

Г. А. Сатаров отмечает, что «государственный служащий обязан принимать решения, исходя из целей, установленных правом (Конституцией, законами и другими нормативными актами) и общественно одобряемых культурными и моральными нормами. Коррупция начинается тогда, когда эти цели подменяются корыстными интересами должностного лица, воплощенными в конкретных действиях. Этого условия достаточно, чтобы характеризовать такое явление, как злоупотребление служебным положением. Между этим явлением и коррупцией грань весьма размыта».¹⁵

Некоторые ученые считают коррупцией и нарушение этических норм служебных полномочий.¹⁶ Представляется, что определение понятия коррупции и установление ее конкретных проявлений должно основываться на понимании именно социальной сущности этого явления. Поэтому мы разделяем общую позицию тех исследователей, которые дефинируют ее в данном смысле. Так, А. Н. Агыбаев полагает, что «сущность коррупции состоит в том, что она искажает общественные отношения, разрушает нормальный порядок деятельности государственного аппарата, в результате чего происходит „порча“, „коррозия“ власти».¹⁷

Следовательно, коррупция предполагает использование власти и связанных с ней возможностей не в интересах всего общества, а в интересах отдельных лиц или определенной группы лиц в корыстных целях. Иными словами, коррупция предполагает неправомерную эксплуатацию публичной власти в частных интересах.¹⁸

Краткое и емкое определение коррупции содержится в справочном документе ООН о международной борьбе с коррупцией: «Коррупция – это злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях». В том же ключе определил это явление министр юстиции Нидерландов в июне 1994 г. на Конференции европейских министров в Мальте. По его мнению, коррупция представляет собой более широкое понятие, чем подкуп должностного лица. «Коррупция – это скорее злоупотребление властью или, более точно, нечестное поведение в процессе принятия решений».

В одном из последних международных документов, направленных на борьбу с коррупцией, а именно в Межамериканской конвенции против коррупции, подписанной государствами – участниками Организации американских государств 29 марта 1996 г. в Каракасе, названы следующие случаи коррупции:

– вымогательство или получение прямо или косвенно правительственным чиновником или лицом, которое выполняет государственные обязанности, любого предмета, имеющего денежную стоимость, или иной выгоды в виде подарка, услуги, обещания или преимущества для себя или иного физического или юридического лица в обмен на любое действие или несовершение действия при исполнении ими своих государственных обязанностей, а также предложение или предоставление таких предметов или выгод указанным лицам;

– любое действие или несовершение действия при исполнении своих обязанностей правительственным чиновником или лицом, выполняющим государственные обязанности, в целях незаконного получения выгоды для себя или третьего лица;

¹⁴ Долгова А. И. Криминология. – М., 1999, с. 101–104.

¹⁵ Сатаров Г. А. Россия и коррупция: кто кого? Аналитический доклад рабочей группы регионального общественного фонда «Информатика для демократии». – М., 1998, с. 1.

¹⁶ Алауханов Е. Понятие коррупции и коррупционной преступности // Юридическая газета, 1991, 21 апреля; Жумагулов Т. К., Николенко А. Ф. Коррупция: определение состава преступления // Юридическая газета, 2000, 12 апреля, и др.

¹⁷ Агыбаев А. Н. Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с коррупцией: Учеб. пособие. – Алматы, 2003, с. 8–9.

¹⁸ Там же, с. 9.

– мошенническое использование или сокрытие имущества, полученного в результате совершения указанных действий;

– ненадлежащее использование правительственным чиновником или лицом, исполняющим государственные обязанности, для своей выгоды или выгоды третьего лица любого имущества, принадлежащего государству, компании или учреждению, в которых государство имеет имущественную долю, если чиновник или лицо, исполняющее государственные обязанности, имеет доступ к этому имуществу вследствие или в процессе исполнения своих обязанностей;

– ненадлежащее использование правительственным чиновником или лицом, исполняющим государственные обязанности, для своей выгоды или выгоды третьего лица любого вида секретной или конфиденциальной информации, которую этот чиновник или лицо, исполняющее государственные обязанности, получили вследствие или в процессе выполнения ими своих обязанностей;

– переадресование правительственным чиновником независимому учреждению или частному лицу в целях, не связанных с теми, для которых они были предназначены, для своей выгоды или выгоды третьего лица любого принадлежащего государству движимого или недвижимого имущества, денежных средств или ценных бумаг, которые такой чиновник получил вследствие своего служебного положения с целью распоряжения, хранения или по другой причине¹⁹.

Коррупция начинается тогда, полагают авторы доклада «Коррупция в России» Г. А. Сатаров, М. И. Левин и М. Л. Цирик, когда цели, установленные правом, общественно одобряемые культурными и моральными нормами, подменяются при решении корыстными интересами должностного лица, воплощенными в конкретных действиях.

Таким образом, коррупция – это социальное явление, заключающееся в разложении власти, когда государственные (муниципальные) служащие и иные лица, уполномоченные на выполнение государственных функций, используют свое служебное положение, статус и авторитет занимаемой должности в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах. Яркую характеристику коррупции дает А. И. Кирпичников: «Коррупция – это коррозия власти. Как ржавчина разъедает металл, так коррупция разрушает государственный аппарат и разъедает нравственные устои общества. Уровень коррупции – своеобразный барометр общества, показатель его нравственного состояния и способности государственного аппарата решать задачи не в собственных интересах, а в интересах общества. Подобно тому как для металла коррозионная усталость означает понижение предела его выносливости, так для общества усталость от коррупции означает понижение его сопротивляемости».²⁰

Историко-правовые исследования неопровержимо доказывают, что коррупция появилась с возникновением управленческого аппарата и существовала в обществе всегда. Ш. Монтескье писал: «... известно уже по опыту веков, что всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею, и он идет в этом направлении, пока не достигнет положенного ему предела». Однако пределы коррупции в разное время и в разных странах не одинаковы, что определяется рядом обстоятельств. Как правило, уровень коррупции выше в развивающихся странах, но и в государствах с развитой рыночной экономикой это явление выступает как распространенное зло.

Международная общественная организация «Трансперенси интернэшнл», ставящая своей задачей противодействие коррупции в бизнесе, как на международной арене, так и на национальном уровне, отмечает: «Феномен „коррупции“ носит глобальный характер. Она стала

¹⁹ Рева А. М. Коррупция как социальное явление общества (обзор нормативных актов и литературы) // Предупреждение коррупции в полиции (милиции): Материалы международного научно-практического семинара (11–12 февраля 2002 г.). – М., 2002, с. 87–88.

²⁰ Цит. по: там же, с. 89.

привычным явлением во многих ведущих индустриальных государствах, богатство и устойчивое положение, традиции которых позволяют, однако, скрыть размах огромного ущерба, наносимого коррупцией социальной и гуманитарной сферам. Коррупция широко распространена уже в развивающихся странах Восточной Европы и Центральной Азии, которые переживают в настоящий период процесс трансформации централистских систем. Нет таких стран, будь они богатые или бедные, которые могли бы претендовать на исключительное целомудрие».

Общественная опасность коррупции чрезвычайно велика. В документах мирового сообщества подчеркивается, что коррупция оказывает исключительно вредное влияние на экономику, подрывает эффективность всех видов правительственных решений и программ, наносит ущерб состоянию морали в обществе, расшатывает доверие граждан к правительству, авторитет власти, разрушает принцип справедливости и беспристрастного правосудия. Американский профессор В. М. Райсмен выделяет три наиболее распространенных типа взяток: деловая взятка как платеж государственному служащему с целью обеспечения или ускорения выполнения им своих должностных обязанностей; тормозящая взятка – за приостановку действия нормы или неприменение ее в деле, где она должна быть применена; прямой подкуп как покупка не услуги, но служащего, приобретение должностного лица с тем, чтобы оно, оставаясь на работе в организации и внешне соблюдая полную лояльность, на деле пеклось о своих корыстных интересах взяткодателя.²¹

В докладе Генерального секретаря ООН «Воздействие организованной преступной деятельности на общество в целом» на второй сессии Комитета по предотвращению преступлений и уголовному правосудию Экономического и социального совета ООН в апреле 1993 г. отмечалось, что коррупция государственных должностных лиц всегда являлась одним из приоритетных средств организации преступных группировок, составной частью их стратегии и тактики, которой отдавалось предпочтение перед использованием открытого насилия. Выплачиваемые в виде взяток деньги считаются боссами организованной преступности хорошим инвестированием, своего рода накладными расходами, оправданными с точки зрения «дела», поскольку это в значительной степени увеличивает шансы на успех и вероятную безнаказанность, снижает или даже сводит на нет опасность обнаружения преступления со всеми потерями, к которым это может привести.

Коррупция, как и организованная преступность в целом, приобретает черты транснациональности. Не случайно стратегия и практические меры борьбы с коррупцией обсуждались на Восьмом (Гавана, 1990) и Девятом (Каир, 1995) конгрессах ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, многочисленных семинарах и конференциях, проводимых международным сообществом. В резолюции Восьмого конгресса ООН «Коррупция в сфере государственного управления» отмечено, что проблемы коррупции в государственной администрации носят всеобщий характер, и государствам – членам ООН рекомендовано разработать административные и регулятивные механизмы для предупреждения коррупции и злоупотребления властью.

Как социальное явление коррупция проявляется в совершении различных коррупционных деяний, часть из которых являются преступными и преследуются в уголовном порядке. Коррупционная преступность – это преступления лиц, официально привлеченных к управлению (государственных и муниципальных служащих и иных лиц, уполномоченных на выполнение публичных функций), использующих различным образом имеющиеся у них по статусу возможности для незаконного извлечения личной выгоды.

Помимо коррупции в системе государственной и муниципальной службы и среди лиц, привлеченных к публичному управлению, коррупция существует в частном секторе, профессиональных союзах, политических партиях и т. д.

²¹ Там же, с. 91.

Классическое пособие Р. Перкинса по уголовному праву содержит следующее доктринальное описание коррупции: «Слово „коррупция“ указывает на нечистоплотность и непорочность, и когда оно встречается в уголовном законе, оно означает безнравственные или в огромной степени ненадлежащие действия... Неправомерное отправление должности является коррумпированным поведением должностного лица в ходе исполнения его должностных обязанностей или когда оно действует под видом отправления должности».²²

Следует признать, что, несмотря на исторически постоянный характер этого социального явления и горы исписанной бумаги, коррупция оказалась малоизученной и малопознанной на сегодняшний день именно как социально-экономический, социально-психологический и правовой феномен. Это касается не только течения отечественной мысли, но и теоретических изысканий зарубежных авторов. Большая часть работ в конечном счете сводится к перечислению и обличению ставших известными фактов коррумпированности государственных служащих, их классификации и предложений по недопущению таких фактов впредь. Это фактически подтверждается и практической безуспешностью борьбы с коррупционными преступлениями. «Есть только одна проблема, связанная с международным опытом практической борьбы с коррупцией. Она состоит в том, что лишь немногие из попыток снизить уровень коррупции оказались по-настоящему успешными».²³

И это в то время, когда, согласно экспертным оценкам, практически все отечественные и зарубежные исследователи единодушны: уровень коррупции в современной России чрезвычайно высок²⁴. Есть основания полагать, что он один из самых высоких в мире. Косвенно это подтверждается тем, что в правоохранительных органах – в центре и на местах – скопилось огромное количество материалов, ждущих своего часа до изменения политической обстановки²⁵.

Помимо количественного охвата необходимо учитывать и качественный – до каких «эшелонов власти» проникла коррупция. В настоящее время в России она стала не просто неотъемлемым, но необходимым элементом жизни. Не неизбежным, как очень часто пишут, а именно необходимым.

Между этими понятиями есть существенная разница. Неизбежность предполагает, что нечто накрепко связано, приклеено к организму – в данном случае к социальному – и нет технической возможности избавиться от чужеродного тела. И хотя инородная помеха мешает организму, он вполне может без нее функционировать.

Необходимость свидетельствует о том, что новообразование вошло в плоть и кровь самого организма, и организм без этого довеска уже не живет и не работает. Это – как наркотик, который вошел в обменные процессы организма, и его одномоментное изъятие приведет сам организм к ломке, а то и летальному исходу. Если, конечно, не будет соответствующих реабилитационных мероприятий.

Коррупция – явление, прежде всего, социально-экономическое. Значит, для того чтобы на него воздействовать, необходимо знать «болевы точки», которые находятся именно в социально-экономической сфере общества. Для этого, в свою очередь, необходимо знать качественные параметры того общества, в котором мы живем. И вот здесь мы по-настоящему сталкиваемся с проблемой, которую не знаем: нам не известны качественные характеристики современного социума. Количественных характеристик существует огромное множество, и

²² Perkins on Criminal Law. Mineola (N.Y.), «The Foundation Press», 1969.

²³ Антикоррупционная политика: Учеб. пособие / Под ред. Г. А. Сатарова. – М., 2004, с. 230.

²⁴ Вот как характеризуют состояние дел зарубежные наблюдатели. С. Бойлан (США): «Коррупция стала стилем жизни для правительственных чиновников в России» (Организованная преступность: тенденции, перспективы борьбы. Владивосток, 1999, с. 60); Ф. Туровер (Испания): «Для любого иностранного бизнесмена, работающего в России, коррупция – привычная рутина» (Литературная газета, 1999, № 35, с. 2). Цитирование, к сожалению, можно продолжать.

²⁵ У Лубянки на заметке более 2000 казнокрадов и взяточников // Комсомольская правда, 1998, 14 июля.

они увеличиваются изо дня в день, а качественных оценок, с которыми можно было бы согласиться и безоговорочно принять вне всякой зависимости от партийной и классовой принадлежности, нет. Речь идет не только о российской общественной науке, но о социальных науках в целом. Тот процесс, который получил название «глобализация», привел к фундаментальным изменениям всех основ социальной и экономической жизни современного человека, но надлежащего осмысления он не получил. Представляется, что пока мы не будем иметь соответствующего методологического аппарата, все усилия по борьбе с коррупцией принесут лишь косметический эффект. Но это ни в коем случае не означает, что к нему не нужно стремиться.

Одна из фундаментальных причин тотального распространения коррупции – патология права. Мало кто из специалистов до недавнего времени обращал внимание на это явление, а оно есть, существует и развивается. В самом общем виде под патологией права следует понимать уродливое отклонение от права, противоречащее общим принципам и самой сущности права как формы существования признанной обществом и охраняемой государством справедливости, закамуфлированное в то же время под право. Мы специально обращаем внимание на гипертрофированность патологии, так как отклонения от права есть и будут, но есть граница меры качественной определенности, за которой патология становится нормой, но уже нормой неправа.

В то же время наличие подобной аномалии правового поля свидетельствует о серьезных деформациях в социальной структуре социума и его социально-экономических основаниях.²⁶

При анализе коррупции как социального явления следует учитывать и то, что она более долговечна, чем общеуголовная преступность. Это объясняется тем, что она, во-первых, как правило, не связана с кровью, хотя последние годы и здесь появились новые, «кровавые», тенденции. Во-вторых, общественное мнение всегда более терпимо относилось и относится к фактам коррупции, нежели к фактам элементарного хулиганства, не говоря уже об убийствах, грабежах и т. д. В-третьих, коррупция всегда носит функциональный, в какой-то мере даже необходимый характер. «Коррупция является абсолютно необходимым и наиболее эффективным способом максимализации прибыли в условиях перераспределения собственности»²⁷. В-четвертых, коррупционеры имеют непосредственные выходы на власть, а иногда они сами являются властью, в том числе по отношению к средствам массовой информации, через которые способны влиять на формирование общественного мнения.

Таким образом, коррупция как элемент организованной преступности стала в нашем обществе одним из самых опасных факторов, деформирующих одновременно и личность, и общество, и государство. Сегодня она выступает не только как средство легализации социального статуса или, напротив, формализации в качестве собственника экономического ресурса посредством подкупа или взятки. Коррупция превращается в качественно новый социальный феномен, в границах которого происходит сращивание административного ресурса государства и принципов организации криминального мира; вытеснение организованных социальных форм параллельной несоциальной или, точнее, асоциальной формой «серых зон неправа»; смещение границ дозволенного и должного в сторону уже нечеловеческой в моральном отношении мотивации преступного поведения, причем нередко закрепляющейся в недальновидных законодательных, т. е. формально-правовых, актах. Поэтому всестороннее и глубокое изучение причин и параметров функционирования коррупции в России представляется насущной и актуальной задачей научного исследования и практической деятельности.

Предваряя раскрытие основного содержания исследования, представляется необходимым сделать некоторые, с нашей точки зрения, методологически важные, предварительные замечания.

²⁶ Самигуллин В. К. Право и неправо // Государство и право, 2002, № 3, с. 5–8.

²⁷ Козлов Ю. Г. Коррупция: криминологические и социально-политические аспекты // Право, 1998, № 1, с. 13.

Существует мнение, что при определении параметров коррупции наблюдается следующая корреляция: собственность определяет в качестве одной из своих функций власть, в том числе политическую, и, напротив, политическая власть способна формировать необходимую для ее жизнеобеспечения функцию собственности. Следует доказать, что в данном определении, как и во всей либеральной конструкции, отсутствует понимание того, что подобная взаимозависимость нецелесообразна, так как в ней отсутствует факт того, что властью, как и собственностью, обладают конкретные люди, индивидуально или коллективно.

Устоявшимся считается понимание коррупции как формы преступной деятельности, связанной со злоупотреблением служебным положением в корыстных индивидуальных или групповых интересах. Требуется доказать, что, являясь в действительности феноменом социальной девиантности, коррупция в современных условиях – объективный процесс экономических интегративных и межсистемных социальных отношений, капитализация, распространившая свое влияние на иные подсистемы социетального общества.

Считается, что собственность и рынок гарантируют свободные отношения личностей, личности и общества, членов гражданского общества и государственной бюрократии. Требуется доказать, что превращение властных государственных отношений в товар, а системы властных отношений в рыночные, во-первых, превращает в товар исключительное право государственной власти на насилие; во-вторых, превращает в товар носителей системы социальных отношений, т. е. граждан, и, в-третьих, учитывая, что капитализация, отрицая свободную рыночную экономику, формирует монополию, ее следствием в государственной системе становится монопольное, олигархическое право узкогрупповых корпораций на собственность государственного административного ресурса.

И, наконец, в первом приближении необходимо особо подчеркнуть, что механизмом реализации постулированных процессов и выступает коррупция как форма соединения собственности и власти на основе капитализации ее субстанции и функций.

Злоупотребление правами возможно там, где игнорируются обязанности. Собственность на права – источник должностных преступлений власти; собственность на право – источник административного произвола. В параметрах государственной собственности – в интересах бюрократии; при господстве олигархической собственности – в интересах корпоративной группы. Ни в одном из отмеченных вариантов о соблюдении прав личности и гражданина речь не может вестись по определению.

Особенно важно иметь в виду следующее обстоятельство. Первоначальное накопление капитала являлось объективной закономерностью перехода от феодальных отношений к капиталистическим. При этом экономические процессы разворачивались для субъектов капитализации без сознательного теоретического обеспечения. Сегодняшняя капитализация общества и личности на основе коррупционизма – сознательный выбор хозяев экономического ресурса (транснациональных корпораций и властных государственных олигархий).

Актуальность проблемы борьбы с коррупцией, цели и задачи исследования, основанные на широком методологическом базисе общенаучного и социального знания, определили характер предлагаемой работы и ее внутреннее строение. Исследование разворачивается от всеобщего через особенное к частному: раскрытие сущности изменения всей правовой реальности и действия социально ориентированно универсальных криминогенных детерминант позволяет глубже уяснить системные качества коррупции как социального феномена, выявить тенденции ее динамики и определить параметры, за пределами которых социум оказывается в полосе деградации.

Социальная трансформация и изменение правовой реальности

Рассмотрение проблем коррупции, как и преступности в целом, с точки зрения исторического контекста развития системы научного знания, как, впрочем, и анализ практически любого иного социально значимого феномена, невозможно вне изучения процесса глобализации как актуализирующегося поля универсального процесса социальных изменений, правомерно определяющегося сегодня как категория социальной трансформации.²⁸ «У современной истории – очень плотный график. То, что раньше длилось столетиями и десятилетиями, сегодня длится мгновение».²⁹

В системе познания влияние глобализации достаточно велико, так как оно воздействует на ядро методологии – субъективную исследовательскую позицию. Это относится как к сферам наиболее общего уровня познания: социально-философского, философско-правового³⁰, так и теоретических отраслей знания, таких как теория государства и права и криминология³¹.

Проблема состояния и изменения преступности в условиях глобализации является актуальной уже в силу того, что раскрывает один из аспектов разворачивающегося в границах современного мирового человеческого сообщества универсального процесса социальной трансформации. Вопрос состоит не только и не столько в определении в рамках предлагаемого исследования параметров и результатов трансформационных перемен в целом, сколько в анализе тех возможных следствий, которые для современной формы организации человечества и его конкретных форм существования, таких, как локальные цивилизации, культуры или национальные государства, могут быть негативными.

Преступность относится к тем социальным феноменам, действие которых по сути отрицательно, но функциональное взаимодействие которых с субстанцией социального организма не исчерпывается негативом. Являясь выражением действия определенных сторон социальных противоречий и проявляясь в параметрах социума как общая закономерность его функционирования и развития, преступность в то же время обозначает участки социальной реальности и механизмы государственного регулирования системы общественных отношений, которые уже (или еще) не пригодны обеспечивать нормальное социальное движение. Фактически, определяя состояние и уровень преступности того или иного общества, мы в состоянии определить точки «социальной инфекции», источник общественной дисфункциональности, но тем самым и «ворота» в будущее, через борьбу с негативным и сознательным конструированием позитивных структур, функций и механизмов их обеспечения в социальном поле.

²⁸ Карасев В. И. Социальная трансформация как предмет философского исследования. Автореф. дис. ... докт. филос. наук. – М., 2000; Карасев В. И., Васильков А. Т. Феномен глобализации в социальном контексте современности. – М., 2002, и др.

²⁹ Назарбаев Н. А. Критическое десятилетие. – Алматы, 2003, с. 9.

³⁰ Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. – М., 1994; Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. – М., 1999; Эрнандо де Сото. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. – М., 2001; Тоффлер Э. Шок будущего. – М., 2000; Фурсов А. И. Колокола истории: В 2 ч. – М., 1999, и др.

³¹ Бурлаков В. Н., Гилинский Я. И., Шестаков Д. А. Российская криминология в конце XX столетия // Правоведение, 1999, № 3; Гилинский Я. И. Теоретические проблемы социологического исследования преступности и иных антиобщественных про явлений. – Л., 1983; Его же. Понятие преступности в современной криминологии // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2001, № 3; Ишиаков С. М. Криминология. Учебник. – М., 2000; Овчинников Б. Д. Вопросы теории криминологии. – М., 1982; Орехов В. В. Понятие и измерение преступности // Криминология. Общая часть. Учебник. – СПб., 1992; Раска Э. Борьба с преступностью и социальное управление. – Таллин, 1985; Резник Г. М. К вопросу об определении понятия «преступность» // Совершенствование правовых мер борьбы с преступностью. – Владивосток, 1986; Спиридонов Л. И. Социология преступности. – М., 1978; Его же. Феномен преступности // Криминология. Курс лекций. – СПб, 1995; Шестаков Д. А. Преступность и преступление: нетрадиционные подходы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба, 2002, № 4 (5), и др.

Особенностью социальной реальности сегодняшнего дня является факт становления в условиях существования различных по форме структурной организации, уровню материальной и духовной культуры, сферам социопро пространственного влияния культур, цивилизаций и национальных государств, формирования иного по своему характеру и строению социального качества, содержание которого уже не вмещается в существующие социальные границы. Первой из ряда возможных проявлений этого универсального процесса стала глобализация, фактически выступающая как его предпосылка в становлении материально-предметного основания и экономического механизма запуска соответствующих закономерностей и механизмов их реализации в иных социально-исторических условиях.

Таким образом, первым уровнем, в рамках которого возможно исследовать поставленные в работе задачи, является сфера изменения социальной реальности как фундаментальное условие и среда трансформационных преобразований социальных феноменов, в том числе преступности, в контексте глобализации.

Категориальный смысл понятия социальной трансформации распространяет свое влияние уже не только на философски-абстрактное описание окружающей действительности, но и на теоретические обобщения социальных наук, таких как социология, политическая наука, юриспруденция. Непосредственную практическую актуальность его исследования рельефно очерчивают настойчивые попытки найти эффективную модель реализации существующих тенденций социальной реальности в перспективах уже недалекого будущего.³²

Вместе с тем необходимо отметить, что до настоящего времени, несмотря на активное использование самого термина, практически все авторы вкладывают в понятие социальной трансформации только субъективно присущее их исследовательской позиции видение. Общепринятого содержания категории пока не существует. Точнее, оно уже есть в системе социально-философского знания, но еще не получило общеупотребительного значения.³³ Это порождает в некотором смысле хаотическое распределение смыслов в границах, казалось бы, единой системы отсчета. Практически все исследователи подходят к пониманию того, что трансформация – это процесс, инновационным смыслом которого является рождение нового применительно к обществу социального качества. Более широко – появление новой социальной системы. Однако именно здесь возникает проблема, так как социальное качество или социальная система выступает у разных авторов в различных логических объемах. Если прибавить к этому многоуровневость и разноплановость исследовательских приемов, каждый из которых претендует на исчерпываемость и окончательность, то проблема становится по крайней мере трудноразрешимой в приемлемых для сторон консенсусных вариантах.

Поэтому, как и в любом процессе становления новой системы отсчета в научном знании, здесь калейдоскопичность накопления достаточного фактологического материала еще ожидает либо момента сознательного выхода на позиции качественной определенности в теоретических обобщениях социальных наук и философской рефлексии, либо бифуркационного скачка в ее становлении, безотносительно к авторским амбициям. Ситуация социальной реальности требует нового знания, и оно несомненно будет получено и использовано в практике управления общественными процессами в условиях глобальных изменений течения социальных процессов. Однако уже сейчас можно определенно утверждать, что успешная реализация сказанного будет возможна только тогда, когда процесс глобальных изменений можно будет описать как частный случай изменения как такового, т. е., при условии создания единой системы отсчета,

³² Карасев В. И. Государство, общество, личность: К теории становления социумов. – М., 2000; *Его же*. Феномен политического лидерства. – М.; Воронеж, 2000, и др.; Мельвиль А. Ю. Трансформационные транзиты в политической сфере постсоветской России. М., 1999; Тоффлер Э. Шок будущего. – М., 2000; *Его же*. Третья волна. – М., 2000; *Его же*. Метаморфозы власти. – М., 2001, и др.

³³ Карасев В. И. Социальная трансформация как предмет философского анализа. Дис. ... докт. филос. наук. – М., 2000.

в границах которой все сегодня не определенное займет свое законное место на исторической шкале исследования социальных изменений.

Существует точка зрения, что глобализация, понимаемая как всеохватывающий интеграционный процесс на базе финансовых и технологических достижений западной цивилизации, выступает ведущей тенденцией современного развития. Проблемы определения и раскрытия существа таких категорий современного научного знания, как социальная трансформация, ее политическая составляющая, модернизация или правовые инновации, сегодня неотделимы от содержания этого всепроницающего процесса социальных изменений. Такие исследователи, как А. Тойнби, К. Ясперс и Э. Тоффлер на Западе³⁴, П. А. Сорокин, А. С. Панарин и Ю. В. Яковец в России³⁵ теоретически предвосхитили и частично описали параметры глобальных метаморфоз в их прогрессивной или циклической форме. Но нашему поколению приходится жить в условиях проникновения феномена глобализации в повседневную жизнь, а, следовательно, проблема глобализации как формы проявления в частично социальном контексте современности трансформационных изменений для нас актуальна в геометрической прогрессии.

Однако, с нашей точки зрения, во-первых, пока об этом как о главной тенденции мирового развития говорить преждевременно. Нельзя выводить функцию из неопределенного аргумента. Во-вторых, корректность исследования диктует необходимость говорить, по крайней мере, о трех центрах тенденции, в основании которых лежат свои ресурсы интеграции, например, западная культура и евро; американские финансы и доллар; азиатские наркотики и йена. Наконец, в-третьих, прежде чем делать обобщающие выводы, необходим исторический, логический и структурно-функциональный анализ процесса глобальных перемен с тем, чтобы понять, является ли он носителем восходящей или нисходящей линии социального развития современного человеческого сообщества.

Стремление выразить сущность нового информационного общества вылилось в целый kaleidoscope определений. Дж. Лихтхайм говорит о постбуржуазном обществе, Р. Дарендорф – посткапиталистическом, А. Этциони – постмодернистском, К. Боулдинг – постцивилизационном, Г. Кан – постэкономическом, С. Алстром – постпротестантистском, Р. Сейденберг – постисторическом.³⁶

Очень важным представляется вопрос о том, кто задает направление социальному и политическому развитию в новой сфере. Ведь правительство является лишь одним из ведущих участников этого процесса. Другие важные роли распределены между предпринимателями, рабочей силой, финансовыми кругами и университетами. В силу своей особой сложности процесс требует нового понимания взаимоотношений между технологией, экономикой и социальными потребностями. Политика в области информации и коммуникаций связана с фундаментальными проблемами человеческой личности и ее ценностями. И думать здесь нужно не столько о каких-то конкретных программах и методиках, сколько об общей системе, в рам-

³⁴ Тойнби А. Дж. Постигание истории. – М., 1991; *Его же*. Цивилизация перед судом истории. – М., 1996 и др.; Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994; Тоффлер Э. Третья волна. – М., 2001; *Его же*. Футурошок. – М., 2001; *Его же*. Метаморфозы власти, и др.

³⁵ См.: Сорокин П. А. Человек, цивилизация, общество. – М., 1992 и др.; Панарин А. С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. – М., 1998; Панарин А. С. Философия политики. Учеб. пособие для студентов вузов. – М., 1996; Панарин А. С. Вторая Европа или третий Рим? Избранная социально-философская публицистика. – М., 1996; Панарин А. Россия между атлантизмом и евразийством. Цивилизационный процесс и вызов Запада // Российская провинция, 1993, № 1 и др.; Паитин В. И. Циклы и ритмы истории. – Рязань, 1996; Яковец Ю. В. Социогенетика: содержание, закономерности, перспективы. Научный доклад к V междисциплинарной дискуссии. – М., 1992; *Его же*. У истоков новой цивилизации. – М., 1993; *Его же*. История цивилизаций. – М., 1995; *Его же*. Циклы. Кризисы. Прогнозы. – М., 1999, и др.

³⁶ Дайзард У. Наступление информационного века // Новая технологическая волна на Западе, с. 344; Элльоль Ж. Другая революция // Там же, с. 147; Кан Г. Грядущий подъем: экономический, политический, социальный // Там же, с. 175; Турен А. От обмена к коммуникации: рождение программированного общества // Там же, с. 410; Этциони А. Масштабы повестки дня. Перестраивая Америку до XXI века // Там же, с. 293; Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Там же, с. 330, и др.

ках которой информация влияет на плюралистическое общество. Нынешние демократические режимы благоденствуют лишь тогда, когда между их гражданами существует более или менее прочный консенсус. С ростом темпов изменений представляется необходимым коллективизировать разум общества, но не централизованными авторитарными методами, а развивая диалог на коллективной информационной основе, ведущий к консенсусу относительно стратегии выживания и благосостояния как индивидов, так и общества.

Различное видение современными мыслителями хода и перспектив исторического процесса, при всей разноплановости и многоуровности исследовательских позиций, в интегрированном виде позволяет сделать теоретическое обобщение о том, что **в любом из возможных для социального контекста современности случаев процессы социальных изменений перерастают национальные и системные границы отдельных таксонометрических единиц структурного множества, составляющего сегодня собирательное понятие человеческого сообщества.**

Более того, если этот первый вывод отражает границы происходящих социальных изменений, то второй может содержать в себе понимание их глубины и сложности. Речь идет о транссистемном характере рождения нового социального качества, а фактически о тенденциях формирования новой модели сообщества, которое перерастает не только границы локальности в пространстве, но и границы социальности в понимании качественной определенности складывающегося инновационного феномена. Назвать новое сообщество социумом, употребляя традиционное понимание данной категории, становится по крайней мере не совсем корректным.

Следовательно, на современном этапе исторического развития происходит реальная трансформация человеческих сообществ. До тех пор, пока кластеры изменений циркулируют в пределах локальных культур или цивилизаций, они имеют форму системной социальной трансформации, но при переходе к процессам кросскультурного масштаба трансформация становится универсальным феноменом и магическим ключом к управлению планетарным изменением. При этом форма, возможно, одна из первых в последовательном ряду сменяющих друг друга форм, универсального трансформационного процесса и есть глобализация.

Глобализация, таким образом, – категория, параметры которой в системе современного знания трудно определить. С одной стороны, по своему содержанию она практически так же широка, как основные понятия процесса социальных изменений. С другой стороны, феномен глобализации многогранен. Он затрагивает все области общественной жизни, включая такие сферы, как экономика, политика, социальная сфера, идеология, культура, наука, право, экология и др. Процессы, которыми сопровождается глобализация, еще только разворачиваются, основной своей частью располагаясь в области чистого, а не наличного бытия. Они проявляются чаще всего не как доминанта, а как тенденция. Общественному сознанию еще предстоит адаптироваться как к выходу основных процессов жизнедеятельности за привычные границы государств, так и к имеющему место сжатию исторического времени. Так, если на ранних этапах становления современных цивилизаций материальная и культурная среда обитания человека менялась приблизительно за тысячелетие, а затем за 200–300 лет, то к началу XXI века этот срок сократился до 20–30 лет, т. е. оказался соизмерим с так называемым циклом смены поколений.³⁷

Глобализация предстает в исследовательском дискурсе и как феномен, проявляющийся в человеческом сообществе сущность универсального процесса социальной трансформации, основные качества и свойства которого в современных условиях находятся еще в состоянии чистого, а не наличного бытия. Такая позиция приводит к выводу о том, что основная сущность процесса глобальных социальных изменений недоступна прямому познанию, проявляясь

³⁷ Глобализация мировой экономики и проблемы развития России / Под общ. ред. В. Д. Кривова. – М., 2001, с. 3.

в действительности лишь отдельными свойствами, отражая, с одной стороны, сложившуюся необходимость, с другой – уровень становления участвующих в процессе субъектов и объектов и их возможности осознания собственной системности. Причем в качестве субъектов выступают различные страны (национальные государства и их реальные ресурсодержатели, такие, как ТНК), надгосударственные образования цивилизационного уровня (Евразия, Европа и США, Япония и страны «третьего мира» и т. д.) и исторические культуры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.